

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.3.2

**МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПОИСК ЯЗЫКА
СОГЛАСИЯ
И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ**

**INTERGENERATIONAL
INTERACTION IN RUSSIAN
SOCIETY: THE SEARCH FOR
A LANGUAGE OF CONSENT
AND MUTUAL
UNDERSTANDING**

Волков Юрий Григорьевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
научный руководитель
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Yury G. Volkov

Honored Scientist of Russia,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Scientific Supervisor Professor of the
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Данная статья посвящена актуальной проблеме формирования и развития дискурса понимания в межпоколенческом взаимодействии в российском обществе. Автор статьи, основываясь на принципах неинституционального и субъектно-деятельностного подходов, рассматривает дискурс понимания как общий язык социальных смыслов, значений и идеалов, направленных на достижение в процессе социальных коммуникаций социальной солидарности поколений и готовности к реализации совместных социальных акций в рамках общероссийского патриотизма. Делаются три основных вывода: во-первых, принятие позиции взаимо-

This article is devoted to the actual problem of the formation and development of the discourse concerning understanding in intergenerational interaction in Russian society. Based on the principles of neoinstitutional and subject-activity approaches the author considers the discourse of understanding as a common language of social meanings and ideals aimed at social solidarity of generations in the process of social communications and readiness for the joint social actions implementation within the framework of all-Russian patriotism. Three main conclusions are drawn: first, the adoption of a position of mutual respect in the evaluation of experi-

уважения в оценке опыта как содержащего алгоритмы социальной активности и чувства «не зря прожитой жизни» поколений. Во-вторых, исходя из этого, стремление к взаимному доверию в рамках освобождения от общественной немоты. В-третьих, признание социальной ответственности как основного условия поддержки сложившегося институционального порядка.

ence as containing algorithms of social activity and feelings of "not for nothing lived life" of generations. Secondly, the desire for mutual trust in the framework of liberation from social dumbness. Thirdly, the recognition of social relevance as the main condition for supporting the existing institutional order.

Ключевые слова: дискурс понимания; межпоколенческое взаимодействие; социальный солидаризм; социальная ответственность; поколенческие различия; гражданский патриотизм.

Keywords: discourse of understanding; intergenerational interaction; social solidarity; social conformity; generational differences; civic patriotism.

Введение

В нынешней ситуации приоритетным становится формирование общего языка поколений, определение значений и смыслов, содержащих интегративный характер, особенно учитывая, что сплоченность российского общества основывается на исторических свершениях. Признавая сплывающий эффект опыта Великой Отечественной войны, возвращения Крыма, следует признать, что российское общество разделено по социальным и культурно-символическим маркерам.

Очевидно, что речь идет не только о смене поколений, характеризующихся разными стратегиями адаптации, схемами коллективного опыта и восприятия, моделями поведения, но и о том, что язык общения, язык коммуникации россиян страдает неясностью, ангажированностью, нежеланием слышать другого, эффектом общественной немоты. Это отнюдь не социально-психологические состояния – сложились дискурсы конфликтов и различий, которые находят отражение и в публичной сфере, и в сфере повседневности. На публичном уровне наблюдается эффект переписывания истории и приватизации настоящего и будущего. В сфере повседневности артикулируются сленги, арго и жаргонизмы, осложняющие влияние морально-нравственных и культурных норм.

Таким образом, актуальным для социологического сообщества является исследование условий, барьеров и тенденций развития дискурса понимания в российском обществе как совокупности коммуникативных практик, ориентированных на нахождение общего языка смыслов, значений и артикуляций, содержащих солидаристский, объ-

единительный эффект в межпоколенческом взаимодействии (Волков, 2017. С. 73–74).

Методология исследования

Эта проблема не является новой, ее значение и источники описаны классиками социологической мысли – Э. Дюркгеймом, К. Манхеймом, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом, П. Бурдьё. Речь идет не только о том, что поколения как социовозрастные когорты людей обретают социальную зрелость в конкретном социальном и культурно-историческом контекстах и формируют собственные схемы социальной деятельности и социальные образы и символы, но и о процессе интеграции, включения в общественную жизнь на основе взаимопонимания и взаимодоверия, признания социальных и культурных различий для достижения социально-ценностного консенсуса или по крайней мере выработки социально приемлемых и социально одобряемых форм социальной деятельности и общения.

В активную жизнь в российском обществе вступило уже два постсоветских поколения, не имеющих «живого опыта» предшествующего периода, испытавших последствия трансформационных изменений на пути реализации жизненных стратегий. В связи с этим встает вопрос, каким образом совместимы и содержат ресурс согласия оценки, смыслы, значения, которыми оперируют на публичном уровне и в сфере повседневности поколения россиян? На этот счет российская социологическая мысль выносит суждения о специфике социального взросления молодого поколения россиян. В работах Ю.А. Зубок, В.В. Чупрова, М.К. Горшкова, Вл.А. Лукова, опирающихся на презентативный социологический материал и выверенные концептуальные подходы, подчеркивается, что в рамках межгенерационного диалога возникла ситуация неопределенности.

Характер общественных преобразований содержит потребительскую революцию, революцию ожиданий и революцию разочарований. Другими словами, нельзя однозначно говорить о том, что действуют социовозрастные (поколенческие) негативные и позитивные изменения. Это проявляется в том, что социальная структура российского общества усложнена, проступают контуры параллельных социальных миров, поведенческих и символических кодов. В настоящее время отмечается осознание большей частью россиян проблем и угроз, вызывающих у них серьезные опасения. Это связано с трудностями самоопределения, самореализации, опирающейся на качественное образование, занятость, карьерный рост.

Отмечается, что межпоколенческий диалог сконцентрировался на социальном микроуровне, ушел на периферию из публичной сферы. Между тем исследования показывают, что трудно рассуждать о судьбе молодого россиянина, о его жизненной траектории вне дискурса понимания проблем, приоритетов, ожиданий в сфере межпоколенческого взаимодействия. Общим фоновым барьером является феномен парадоксального человека, описанный Ж.Т. Тощенко, когда речь идет о том, что реальное мышление не обладает в значительной степени дальновидностью и зрелостью, когда корпоративные, узкогрупповые цели ориентируют на позицию диктата, навязывания собственных приоритетов и амбиций в качестве безальтернативных.

Следует отметить, при росте интолерантности, нетерпимости к суждениям, взглядах «инакодействующих и инакомыслящих» в условиях утраты общественных авторитетов, недоверия к политическим партиям и общественным движениям дискурс понимания не достигает основной цели быстрого и адекватного реагирования на общезначимые проблемы, волнующие россиян. В той же степени можно констатировать, что в обществе сохраняется атмосфера общественной апатии, когда возлагается ответственность за ситуацию в стране на государство, политические элиты и резко снижается интерес к социальной ответственности.

Сложилась ситуация, при которой дискурс понимания оказался не востребовавшимся при ориентированности на индивидуализм, социальную самоизоляцию. Начали конструироваться языки «внутреннего потребления» в качестве маркеров для распознавания своих и чужих, стала формироваться феномен социальной эмпатии. Следствием этого является сочетание мифологизированных суждений и заблуждений, примитивных ориентаций (Тощенко, 2001. С. 19). Поэтому наблюдается конфронтация на монополию обладания общественной истиной, что порождает социальный нарциссизм и социальную безответственность.

Для межпоколенческого диалога важно усвоить урок предыдущих поколений: революция молодежи в США в 60–70-е гг. XX в. была ориентирована на потребность молодого поколения предъявить обществу новый образ жизни, обрушить систему консервативных и расистских предрассудков. Но при всей актуальности американского опыта следует понимать, что межгенерационный диалог в российском обществе имеет исторические основания, так как существуют представления о личной и групповой жизни как исторической памяти, как преемственности традиционных связей и новых условий жизни. Дискурс по-

нимания на публичном уровне означает, что трудности и достижения в большей степени объединяют поколения россиян, чем разобщают.

Как отмечает М.К. Горшков, в межгенерационном взаимодействии доминирует позиция государственного патриотизма. Фланговые же либеральный и ультраконсервативный дискурсы, воздействуя на понимание особенного пути России, в большей степени создают «информационный шум», чем вовлекают в мифологию о судьбе России ныне действующее поколение. В контексте вышеизложенного можно констатировать исторический консенсус россиян, т. е. преобладание понимания прошлого как мало зависящего от социально-демографических различий респондентов (Горшков, 2011. С. 137). Важно, что при консенсусе относительно оценки исхода Великой Отечественной войны (62–81 % респондентов в зависимости от возрастной категории) есть и еще исторические периоды, отношение к которым в массовом сознании характеризуется ярко выраженным единством мнений (ликвидация неграмотности, создание мощной промышленности, космос, бесплатная медицина).

Однако единство в исторических оценках не предопределяет конструктивность межпоколенческого взаимодействия, так как обращено к прошлому, в котором нынешние поколения либо не принимали участия, либо застали этот период только при вступлении во взрослую жизнь. Поэтому, когда речь заходит о реальных исторических достижениях, казалось бы, делающих возможным дискурс понимания как нахождения общего языка, существует опора на авторитет ушедших поколений. Но в этом смысле возникает риск взаимного отчуждения по причине того, какое поколение социально референтно, претендуя на причастность к историческим достижениям в нынешней ситуации.

Несомненно, такая массовая инициатива, идущая снизу по велению сердца, как «Бессмертный полк», имеет непревзойденно объединительное значение. С учетом этого можно отметить преодоление межпоколенческого разлома исторической памяти. Однако говорить в этой связи о радикальном сближении позиций поколений в оценке настоящего и перспектив видения будущего являлось бы необоснованным. Сложность картины отношения поколений к перестройке и рыночным реформам 90-х гг. XX в. свидетельствует о том, что молодые поколения (18–30 лет) имеют более высокую степень позитивных оценок (38–61 %) по сравнению со старшими поколениями, где одобрение варьируется от 22 до 42 % (Горшков, 2011. С. 140). Такой разрыв нельзя назвать катастрофическим в налаживании межпоколенческого диалога, но дефицит аргументированных позиций, конфликт-

ность оценок тех, кто претендует на роль актора общественного мнения, устранение интеллигенции из участия в налаживании диалога создают ситуацию поколенческих мифов.

Наблюдается определенная закономерность: молодое поколение описывается как реформаторское, выигравшее в целом от рыночных преобразований и настроенное в своих ожиданиях на социальный оптимизм. В этом смысле возникает барьер в понимании того, какие результаты оцениваемые периоды принесли обществу и стране в целом, какие достижения утрачены и что позитивного утвердилось в жизни россиян.

Данные исследований позволяют сказать, что схемы оценок в межпоколенческом диалоге обнаруживают воздействие СМИ, коллективного опыта и личностной жизненной траектории. Характерно, что такие аттрактивные для дискурса понимания суждения о наличии идеалов, жизнерадостности, доверии между людьми, уверенности в своем будущем, социальной справедливости и в восприятии прошлого различаются смысловыми разрывами. Так, например, для молодого поколения характерно выделение позитивных суждений, ассоциируемых с возможностями профессионального роста и карьеры, возможностями стать богатым человеком, гражданскими и политическими свободами, что означает пространство столкновения смыслов в межгенерационном взаимодействии с представителями старших поколений, где господствует позиция социального реванша, утраты социальных достижений и необходимости восстановления справедливости и порядка.

Следует отметить, что в межгенерационном диалоге доминирующими становятся негативные коннотации (коррупция, бюрократия, социальная несправедливость, бездуховность), но эти внешне встречаемые поколенческие тренды не настраивают на взаимопонимание, создавая нездоровую конкуренцию в обличении недостатков и занятии позиции социального исключения или социальной апатии. В том, что молодое поколение может стать разменной монетой в акциях, включающих личные амбиции или деструктивные практики, по отношению к обществу и государству, просматривается позиция заигрывания с молодежью со стороны безответственных и экстремистских политиков.

Но истина заключается в том, что доминирует дискурс навязывания, разрушения общего языка, казалось бы, «здоровым» критическим настроем. Если утверждаться во мнении, что пореформенная Россия – это общество социальной несправедливости, межнациональных конфликтов, бюрократии, кризиса и страхов (Горшков, 2011. С. 148), то слабо просматриваются возможности взаимопонимания субъектов пуб-

личного уровня, так как наблюдается «превращение» смыслов, манипуляция критикой с целью устранения или унижения «инакомыслящих».

В межпоколенческом диалоге не столько конструируются объяснительные и аналитические схемы, позволяющие выработать позицию конструктивной критики, сколько процесс «уяснения» блокируется утверждением мифологем о «тупиковом» развитии России, обращении к светлому образу Запада или идеи создания «особого» русского мира. Данные позиции вносят в межпоколенческое взаимодействие предубежденность, мифологизированное сознание, проецируемое на поколенческий социальный портрет. Характерно, что межгенерационный диалог структурирован не по идеолого-мировоззренческим параметрам, так как речь идет не о борьбе молодых реформаторов с консерваторами, представляющими старшее поколение.

В российском обществе наблюдается социальная внутрипоколенческая неоднородность. Если говорить о безусловно проигравших, то так можно охарактеризовать старшие поколения, испытывающие жизненные трудности пенсионного возраста. Молодое же и среднее поколения различаются социально-стратификационными показателями по доходам, имуществу, образу жизни. Можно констатировать, что внутрипоколенческая конфигурация обнаруживает больше различий, чем объединяющих признаков.

Таким образом, обнаруживается, что дискурс понимания требует определения базовых смыслов, значимых для межгенерационного взаимодействия в контексте позитивного самоутверждения и созидания. Для россиян значимой является не только оценка состояния экономики страны и уровня жизни населения (что вносит, как отмечалось ранее, разобщающий смысл), но позитив обнаруживается и в гордости за международное положение страны (обретение суверенности), и в возможностях самореализации, профессионального и карьерного роста, социального участия.

Констатируя этот сдвиг, можно сказать, что дискурс понимания выстраивается при предъявлении взаимных ожиданий и требований социальной ответственности. В нынешней ситуации практически изжита позиция социального нарциссизма, высокомерного отношения к социальным реальностям в контексте позиции неучастия. Что касается снижения конфронтационности в межпоколенческом взаимодействии, то следует сказать, что приходит осознание «общей судьбы». Поэтому возникает стремление сделать жизнь лучше здесь и сейчас, т. е. доминирование позитивных поколенческих самооценок выражается в стремлении найти интерес к жизни и опыту всех поколений.

Можно сделать вывод, что налаживание дискурса понимания в межпоколенческом взаимодействии определяется, с одной стороны, закреплением поколенческих механизмов саморегуляции, что особенно свойственно для социального поведения молодежи, не имеющей ресурса коллективного опыта (Зубок, 2008. С. 153). С другой стороны, дискурс понимания интерпретируется как выбор адекватных способов социальной самореализации, ухода от излишнего критицизма и излишней восторженности в оценке поколений.

Активную роль в формировании дискурса взаимопонимания играют смыслообразующие факторы в виде фундаментальных (терминальных) ценностей российского общества, что можно анализировать как неуклонный взлет российского патриотизма и гражданского самосознания. В этом просматривается новая тенденция в межпоколенческом взаимодействии – раньше молодое поколение испытывало апатию по отношению к этатоцентризму, лояльности к государству как идеальному конструкту.

Возникновение ситуации, в которой межпоколенческое взаимодействие наполняется смыслом гражданской сопричастности, утверждением общероссийской идентичности, воспринимается как старт для продвижения к обществу солидарности поколений. Как показывает сравнительный анализ результатов опросов 2012–2015 гг., принципиальное значение обрело определение ситуации в стране как кризисной и напряженной, но содержащей перспективы позитивной динамики, позитивных изменений.

Стоит отметить, что речь идет о невозврате к прошлому, о ресурсе адаптивности, накопленном в период реформ, и об оптимизации, рационализации социальных ожиданий, привыкании жить с трудностями, но ждать их преодоления в контексте оптимистической оценки положения в стране в целом. Действительно, в межпоколенческом взаимодействии обнаруживается взаимопонимание характера трудностей, стоящих перед страной, и в то же время выбираются неодинаковые адаптивные дискурсы. Для старших поколений характерно превалирование пассивной адаптации, приспособление к условиям жизни и к изменениям на основе выбора экономии, ресурса терпения, готовности к рациональному самоограничению. Молодое поколение, испытавшее потребительскую революцию, склонно согласиться на «умерение ожиданий и амбиций» и в то же время полагает, что адаптивные модели старших поколений не могут быть использованы в качестве поведенческой матрицы, что есть различия между внутренними проблемами личности, не позволяющими реализовать жизненные стратегии, и

внешними сложностями, связанными с неэффективностью государственной молодежной политики, бюрократизмом, коррупцией, эгоизмом политических и бизнес-элит.

Это не означает, что мы имеем в лице молодежи радикальный авангард российского общества, как пытаются доказать, используя молодежь таким образом, представители внесистемной оппозиции. Однако в межпоколенческом взаимодействии есть зоны взаимного непонимания, которые характеризуются, во-первых, отношением к государству (речь идет о степени и направленности поддержки); во-вторых, востребованностью интеллектуального и профессионального капиталов; в-третьих, набором мотивационных установок, направленных на реализацию жизненных целей и приоритетов.

Первый, очень важный шаг в налаживании дискурса понимания в межпоколенческом взаимодействии состоит в способности общества и государства создать фон коллективных сопереживаний, направленных на обретение и укрепление чувства общей судьбы поколений. Это означает, что, принимая во внимание схемы коллективного опыта старших поколений, происходит уяснение того, что российское общество есть общество незападного типа, что потребительские ориентиры являются сопутствующими, что для россиян всех поколений требуется готовность к совместным действиям, направленным на укрепление социальной солидарности. Вхождение Крыма в состав России способствовало современному патриотизму, осознанию того, что Россия обрела статус суверенной державы. Но этого явно недостаточно для закрепления диалога понимания в межпоколенческом взаимодействии, так как после периода восторгов неизбежно наступает испытание буднями.

В этом контексте межпоколенческое взаимодействие становится позитивным, если независимо от поколенческих различий утверждается ответственность россиян всех возрастов тому, что гордость Российским государством означает «выработку иммунитета» к иницируемым, чаще всего извне, возмущениям и провокациям. Для диалога понимания важно формирование социальной компетентности поколений, умеющих различать объективные трудности нынешнего периода и конструируемые внутри страны и за ее пределами источники социальной конфликтности. Есть убеждение в том, что российскую молодежь целенаправленно подвергают информационному и идеологическому воздействию в рамках концепта организованного бунта.

Внести конфликтность в межпоколенческое взаимодействие есть способ дестабилизировать социально-политическую ситуацию в стране, рекрутировать из молодежи группы «осады и штурма» власт-

ных структур. Характерно, что воспроизводится технология социальных фантомов, внедрение в массовое сознание молодежи позиции недовольства, отходом от демократии, авторитаризмом власти, ее непроницаемостью и нечуткостью к запросам молодежи, к ее готовности овладевать современными технологиями и следовать образу свободной жизни. В межпоколенческом диалоге конструируется барьер непонимания, содержащий мысли о бесплодной жизни старших поколений, о том, что молодежь должна взять судьбу в свои руки и что молодежь, в отличие от старших поколений, обладает качеством свободлюбия, ориентацией на то, чтобы разговаривать с властными структурами в контексте гражданских требований и интересов. Альтернативой внедряемым социальным фантомам можно считать развитие практик социального соучастия, включение в региональные и локальные проекты представителей социально активных поколений.

Иными словами, нацеленность на будущее, с которым связываются уверенность и улучшение жизни россиян, способна внести в межпоколенческое взаимодействие недостающие звенья совместного дела, общего блага, социального созидания. Действующие практики организации самодеятельности и досуга молодежи полезны, так как нейтрализуют социальный эскапизм. Вместе с тем в них содержится стимулирование различий, затрудняющих межпоколенческий диалог. Речь идет о том, что нельзя создавать и внедрять в общество позицию исключительности и непохожести молодежи на старшие поколения. Несмотря на то что образы жизни молодежи и старших поколений не совпадают и характер социально-профессиональной активности молодежи связан с новыми сферами экономической деятельности (наиболее очевидна реализация потенциала молодежи в цифровых технологиях), тем не менее, как показывают результаты социологических исследований, особое значение обретают сдержанный оптимизм в оценке настоящего и понимание того, что счастливое будущее формируется в настоящем (Российское общество и вызовы времени, 2016. С. 36–37).

Рассматривая удовлетворенность россиян разными сферами жизни, можно сказать, что в межпоколенческом диалоге сформировалась иерархия социально значимых проблем и актуальным является вопрос, каким образом межпоколенческая солидарность может способствовать принятию обществом социально активной позиции, плодотворной в контексте налаживания диалога с государством и развития инициативы снизу. Определяя динамику оценки россиянами своего социально-психологического состояния, можно сказать, что доминируют спокойствие, уравновешенность (43 %), в то время как негативное социально-

психологическое состояние, хотя и проявляется у 53 % респондентов, имеет показатели, не ориентирующие на активные протестные действия и в рамках межпоколенческого взаимодействия не вызывающие чувства раздраженности и агрессии (Российское общество и вызовы времени, 2016. С. 43).

В межпоколенческом взаимодействии не зафиксированы дискурсы непреодолимых противоречий, так же как не обозначаются «красные линии», характеризующие открытую конфликтность поколений, – дискурс понимания не может основываться на «солидарности тревог и беспокойства», не является также конструктивным восприятие поколений, требующих сочувствия или закрепляющих чувство социального высокомерия. Речь идет о том, что в нынешней ситуации дискурс понимания как общий язык смыслов, значений и идей, объединяющих российское общество, просматривается в противоречивых, но имеющих признание тенденциях формирования общероссийского патриотизма и общероссийской идентичности (Лубский, 2018. С. 48–64).

Отмечая это обстоятельство, можно сказать, что в межпоколенческом диалоге сформировалась позиция социальной взаимопомощи, осознание того, что успехи поколений определяются тем, в какой степени удовлетворены жизнью и имеют перспективы в будущем все россияне. Нельзя также пройти мимо того, что подтверждается, как отмечают социологи, рост доверия к публичным институтам. Если понимать институциональное доверие как результат взаимодействия людей с институтами, включающими эмоциональные и рациональные компоненты, индивидуальный и коллективный опыт, то старые и новые знания выявляют весьма интересное обстоятельство. В межпоколенческом взаимодействии интегрируются рациональность молодежи и эмоциональность старших поколений в обосновании лояльности к Российскому государству; коллективный опыт старших поколений, связанный с чувством самоограничения, не приходит в противоречие с молодежным индивидуализмом, направленным на то, чтобы через индивидуальный выбор, индивидуальные усилия вносить вклад в развитие страны. Знания старших поколений, имеющих отношение к периоду индустриальной экономики и жизни в «организованном» обществе, воспринимаются как полезные для молодежи в контексте принятия норм общественной дисциплины и социально полезной деятельности.

То, что россияне, независимо от межпоколенческих различий, испытывают наибольшее доверие к институту президента (78 %), российской армии (65 %) и православной церкви (50 %) (Российское общество и вызовы времени, 2015. С. 131), свидетельствует, что в меж-

поколенческом взаимодействии закрепился державный дискурс, стабилизирующий отношения между поколениями в оценке российской идентичности и патриотизма. В восприятии социальной и гражданской активности обнаруживаются различия, связанные с тем, что для молодого поколения свойствен скептицизм относительно участия в патронированных государством традиционных общественных и политических структурах, где действуют механизмы подчинения, обязательности, массовости.

Старшие поколения, испытывая влияние предшествующего периода российской истории, в большей степени одобряют знакомые схемы участия молодежи, дающие видимый эффект активности и нацеленные на демонстративные акции поддержки государства, но не учитывающие стремление молодежи к социальному самовыражению. Очевидно, что диалог понимания перспективен при складывании кредита доверия к общественным организациям нового типа (феномен социального волонтерства), при одобрении на межпоколенческом уровне совместных акций, исходящих от общественных организаций, находящихся в режиме взаимодействия с государственными структурами. Это актуально в контексте «перехвата инициативы» у несистемной оппозиции, использующей вакуум полезных акций со стороны официальных структур в целях политизации гражданской инициативы.

Заключение

Как показывают вышеприведенные результаты социологических исследований, диалог понимания в межпоколенческом взаимодействии освободился от маркеров символического обособления, от деления по межпоколенческим критериям на поколение реформ и поколение ретроградов. В контексте доверия к смыслообразующим институтам российского общества установился державный дискурс. Однако сложность в нахождении общих смыслов и значений социального участия и социального устройства выражается в восприятии характера и способов социального и гражданского участия. Это является следствием несовпадения схем коллективного опыта и реальной тенденции индивидуализации устремлений российской молодежи.

Так как будущее России определяется социальными и технологическими инновациями, вхождением в лидеры современной экономики и культурно-исторического, духовного наследия, можно говорить о том, что в рамках налаживания диалога понимания в межпоколенческом взаимодействии следует отметить три смысловых пласта: во-первых, принятие позиции взаимоуважения в оценке опыта как содер-

жащего алгоритмы социальной активности и чувство «не зря прожитой жизни» поколений; во-вторых, исходя из этого, стремление к взаимному доверию в рамках освобождения от общественной немоты; в-третьих, признание социальной ответственности как основного условия поддержки сложившегося институционального порядка.

Таким образом, диалог понимания переводится из сферы благопожеланий и инвектив в устойчивое состояние пробуждения общества от общественной летаргии, распределение потоков социальной активности поколений на социально значимые региональные и локальные проблемы в рамках общественной самодеятельности как свободного выбора российских граждан.

Литература

References

Волков Ю.Г., Лубский А.В. Социология в России: в поисках новых идей и креативности. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017. 196 с.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 2 (86). С. 142–155.

Лубский А.В. Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. № 1. С. 48–64.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь мир, 2015. 432 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2016. 400 с.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.

Volkov Yu.G., Lubsky A.V. (2017). Sociology in Russia: in search of new ideas and creativity. Rostov n/D.; Taganrog: Southern Federal University. 196 p.

Gorshkov M.K. (2011). Russian society as it is (the experience of sociological diagnosis). M.: The new chronograph. 672 p.

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2008) Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and Applied Problems in the Study of Youth. *Monitoring of Public Opinion*. № 2 (86). P. 142-155.

Lubsky A.V. (2018). Projects of the construction of national identity in modern Russia. *Humanitarian of the South of Russia*. No. 1. P. 48-64.

Russian society and the challenges of time (2015). The second book. Ed. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. M.: The whole world. 432 p.

Russian society and the challenges of time (2016). The fourth book. Ed. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. M.: The whole world. 400 p.

Toshchenko Zh.T. (2001). A paradoxical man. M.: Gardariki. 398 p.

Поступила в редакцию

14 мая 2018 г.